

Татьяна Соломатина

Роддом.
Сериял

КЭАРЫ
1-13

Татьяна Юрьевна Соломатина

Роддом. Сериал. Кадры 1–13

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3937815

Соломатина Т. Ю. Роддом : Сериал. Кадры 1–13: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-57979-2

Аннотация

Роддом – это не просто место, где рожают детей. Это – целый мир со своими законами и правилами, иногда похожий на съемочную площадку комедийного сериала, а иногда – кровавого триллера, в котором обязательно будут жертвы. Зав. отделением Татьяна Георгиевна Мальцева – талантливый врач и просто красотка – на четвертом десятке пытается обрести личное счастье, разрываясь между молодым привлекательным интерном и циничным женатым начальником. Когда ревнуют врачи, мало не покажется!

Содержание

Кадр первый	4
Кадр второй	19
Кадр третий	36
Кадр четвёртый	49
Кадр пятый	64
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Татьяна Соломатина

Роддом: Сериал.

Кадры 1–13

Кадр первый

Дурдом

Татьяна Георгиевна проснулась не в духе.

Дело в том, что если ты лёг спать ровно полчаса назад, то дух за это время – как раз только успел выбежать за дверь. Он же не знал, в конце концов, что именно в этот момент и постучат. Да ещё и войдут, не дожидаясь ответа.

– Ну что там ещё? – проворчала временно бездуховная Татьяна Георгиевна.

– В приёмный привезли роды на дому... Ну, то есть не совсем на дому... роды в автобусе, – почтительно прошептала молоденькая акушерка приёмного.

– Чтоб вам! Вызывайте ответственного дежурного врача.

– Так вы же ответственный дежурный врач.

– Тогда вызывайте первого дежурного врача!

– Вызвали. Он сказал, что роды в автобусе – это в обсер-

вацию. И сказал звать вас.

– Тогда вызывайте второго дежурного врача!

– Так нет же второго дежурного врача, когда вы дежурите ответственным.

Заведующая обсервацией со стоном оторвалась от подушки. Дух вернулся. Шустрый, сволочь! Легла-то она, может, и полчасика назад, а вот уснуть смогла только пару минут как.

– Сейчас приду!

В приёмном покое на каталке лежала новоявленная мать, громогласно позёвывая. Санитарка приёма удерживала за грудки яростно матерящегося мужика.

– Вот, удрать хочет! – объяснила санитарка Татьяне Георгиевне, не выпуская мужчину из крепких натруженных рук.

– Переводите поступившую в родзал первого этажа, открывайте набор для осмотра родовых путей! – рявкнула ответственный дежурный врач. – Борисовна, да отпусти ты его уже! Мужчина, вы кто?

– Конь в пальто!.. Водитель автобуса я, – уже спокойнее добавил мужик. – Вот делай после этого людям добро! Я ж маршрут изменил, привёз! Я из-за этого без работы могу остаться, а эта ваша, раскудрить её... – он выразительно посмотрел в сторону санитарки.

– Степеннее, мужчина, степеннее. Кратенько и по порядку – как всё происходило?

– Да никак не происходило! Ехали себе, а потом вдруг в салоне кто-то как заорёт: «Врач есть?!» – и давай мне в кабину колотить. Народ галдит. Я остановился, полсалона сразу повыскакивало! Откуда я знаю – может, им недалеко! А я смотрю, одна там, – охает, пузо торчит, раскорячилась. Бог мой, думаю, во попал! Говорю пассажирам, тем, что остались, значит, мол, автобус дальше идёт напрямиком в роддом. Желающие могут покинуть салон. Сидят, сердобольные. Понятно. На работе-то что делать, а тут веселуха такая. А мож, денег за билет жалко. Понятно же, что если кто останется – потом по маршруту развезу. Куда я денусь! Ну и вот... А вы – самые близкие, к вам и привёз... Ваши выбежали, а у неё уже ребёнок рядом на сиденье валяется! Я и так страху натерпелся... А эта ваша – адрес давай, фамилию! Дурдом, блин!

– Видишь, Борисовна? Мужчина – герой! Вы что, женщина, не в курсе, что добрые дела безнаказанными не остаются? – улыбнулась Татьяна Георгиевна. – Идите уже, идите.

На столе приёмного зазвонил телефон.

– Что ещё?

– Не «что», а «кто». Вас срочно в родзал вызывают, Татьяна Георгиевна. Эта, которая из автобуса, ещё одного родила.

В родзале, у столика с инструментами, мелко тряслась от беззвучного хохота первая акушерка. Вторая деловито обрабатывала новоявленного младенца. Белобрысенький пугливый интерн – такой, из мелькающих проходных, чьё имя зачинаешь с трудом, – торчал огородным пугалом посреди родильного зала и, узрев Татьяну Георгиевну, виновато заявил:

– Я ничего, я только окончатые зажимы в руки взял, даже к ней не приближался, а она...

– Отойди в сторонку, неуч!

Татьяна Георгиевна подошла к роженице и пощупала живот. Вопросительно посмотрела на первую акушерку смены.

– Ага! – кивнула та в ответ. – Сейчас ещё одного родит.

– А где первый?

– В детское отнесли.

Через полчаса всё было закончено, и вполне здоровая тройня вся рядком была уложена в детском. Бедолага интерн под руководством первой акушерки осматривал родовые пути, неумело гремя инструментами и демонстрируя на лице весь ментально-чувственный спектр. Татьяна Георгиевна села писать историю.

– Как её зовут? – крикнула она в родзал. – В приёме не записали.

– Первый раз её звали Люда. Потом представилась Анжелой. Откуда – не помнит. Как в автобусе очутилась – тоже не помнит. Ничего про себя не помнит. Во всём остальном – вроде адекватная. Детям рада, – откликнулась первая акушерка смены.

– Да? А я-то как рада. – Татьяна Георгиевна вернулась в родильный зал. – Тебя как зовут? – обратилась она к родильнице. Та в ответ лишь улыбалась и мотала головой. – Ты где сейчас?

– В родильном доме! – радостно сияя, сообщила счастливая мамаша.

– А как сюда попала?

– Водитель автобуса привёз.

– А в автобусе как оказалась?

– Не помню.

– Сколько тебе лет?

– Не знаю.

– Где живёшь?

– Не... Не знаю!

– Муж у тебя есть?

– Не... не... не... Не помню!!! – девушка вдруг разрыдалась.

– Так, срочно вызывайте анестезиолога. И психиатра! И

ментов! – рыкнула злая на всех и в основном на себя Татьяна Георгиевна. Ох, не зря Борисовна водителя задержать хотела! Теперь мороки не оберёшься.

– С ней всё в порядке?

– Как часы! Давненько я таких нормальных многоплодных родов не встречала. И троен вот таких вот, моноамниотических¹ монохориальных²... Плацента, что правда, такая сытная, нажористая... Оболочки целы, кровопотеря двести, родовые пути целы. – На гистологию послед отправьте обязательно!.. Интерн!

– Да, Татьяна Георгиевна?

– Сиди рядом с этой безымянной матерью-героиней все два часа. Разговаривай ласково. Вопросы наводящие задавай. Возможно, это реактивный психоз. С мужем поругалась, со свекровью, с мамой... Чёрт её знает!

Заведующая отправилась в свой кабинет и шлёпнулась в койку. Не отходить от станка сутки подряд, и что в благодарность? В шесть часов утра «роды на дому». То есть – в автобусе. Спать всё равно уже не придётся, но хоть в горизонтальном положении побыть...

Ровно через десять минут пришёл анестезиолог.

---

¹ Один плодный пузырь на всех. Двойни и тройни возможны би- и триамниотические. С «персональными» плодными пузырями.

² Одна плацента.

– Всё нормально, Тань... Никакой неврологии. Так что ей психиатр нужен. Я не знаю, что с ней.

– Запись в истории сделай! – проворчала Татьяна Георгиевна, надеясь, что анестезиолог рассосётся в предрассветном мороке.

– Сделаю запись. Если ты мне сделаешь кофе. Я, между прочим, тоже...

– Заткнись! Сейчас сделаю. Тебе цианистого калия ложечку или две?

Татьяна Георгиевна встала и занялась кофеваркой. Благо она у неё была. Своя собственная. В конце концов, имеет право заведующая обсервационным отделением родильного дома на свою собственную кофеварку?!

До половины седьмого курили на ступеньках приёмного с анестезиологом. До семи курили на ступеньках приёмного с ментами.

В половине восьмого к приёму приехала психиатрическая «Скорая». За ней подрулил чёрный «БМВ». Из «Скорой» вышел спокойный врач. Из чёрного «БМВ» вывалился заполошный мужик. Огромный, как боксёр Валуев, санитар вывел из психиатрической «Скорой» скорбную лицом девушку с солидным животом.

– Ей нужна помощь!!! Помогите ей!!! – прыгал по приёмному покою мужик из «БМВ».

– Вызовите, будьте любезны, ответственного дежурного врача, – тихим голосом любезно попросил санитарку молодой врач-психиатр.

Девушка сохраняла скорбное, обречённое и где-то даже величавое выражение лица, с покорностью и ласковостью маленькой девочки держа санитару за огромную ручищу.

Татьяна Георгиевна снова вышла в приёмный покой.

– Она наглоталась таблеток! Она хотела убить себя!!! Сделайте же хоть что-нибудь уже!!! – набросился, истошно голая, на акушера-гинеколога мужик из чёрного «БМВ». – Я подлец! Это она из-за меня!!! Я обращал на неё мало внимания!

– Пациентка приняла содержимое двух неопознанных баночек, – меланхолично сообщил врач-психиатр. – Мы сделали ей промывание желудка и отвезли в психиатрическую больницу. В психиатрической сказали, что с таким сроком беременности они её не примут, и потому мы привезли её вам.

– И с чем я, по-вашему, должна её госпитализировать?! – накинулась Татьяна Георгиевна на спокойного, как плитка гематогена, психиатра.

– А ни с чем. И не должны. Просто я её к вам привёз, – он обезоруживающе улыбнулся.

– Спасите!!! Спасите мою жену!!! – бился в панике БМВ-шный мужик.

– Зачем вы меня вызвали, Татьяна Георгиевна?! У женщины на руках нет обменной карты! Это к вам, в обсервацию! – явившийся в приём первый дежурный врач подал возмущённую реплику, протирая заспанные глазки.

– Затем, чтобы не расслаблялись! – рывкнула заведующая обсервацией.

Огромный санитар излучал спокойствие сенбернара. Беременная сохраняла скорбно-величественное выражение лица.

– Прошу вас на кресло! – обратилась к ней Татьяна Георгиевна.

– Я не пойду на кресло. У меня всё в порядке. Нечего ко мне туда руками лишний раз лазить. ПДР³ ещё через две недели.

– Спасите!!! Спасите!!! Лена, Лена, прости меня!!! – упал перед скорбной Леной на колени муж.

– Ты больше так не будешь?! – строго спросила Лена своего мужика.

– Никогда!!! Никогда-никогда-никогда!!!

– Тогда поехали домой! – моментально бросила руку санитару-сенбернара беременная Лена и сменила скорбь на ра-

---

³ ПДР – предполагаемая дата родов.

дось.

– Стоять! – затормозила её Татьяна Георгиевна. – Вы совершили попытку суицида. Так что – прошу на кресло! И вообще, мы вас госпитализируем! Надо понаблюдать за вашим состоянием и – особенно! – за состоянием плода!

– И никакого не суицида! Я просто его напугать хотела – ободрала этикетки с двух баночек витаминов, а сами витамины спустила в унитаз. Во всём виноват он! – беременная гневно ткнула пальчиком в абсолютно уже белого мужика из всё ещё абсолютно чёрного «БМВ». – Я смотрела свой любимый сериал, а он сказал, что сейчас его мама к нам в гости придёт, и выключил телевизор. И что мне оставалось?

Татьяне Георгиевне захотелось порешить бабу собственноручно. Психиатрические товарищи сохраняли завидное спокойствие.

– Вам не хотелось её убить? – уточнила она у врача «Скорой», когда чёрный «БМВ» лихо газанув, увёз блаженную супругу.

– Нет.

– Но она же вам полночи нервы портила!

– Да уж лучше она, чем кого-то с делирием фиксировать. Смена-то всё равно идёт. Ясно было сразу, как белый день, что ничего такого она с собой не сотворила. И мужик у неё хороший, щедрый...

– Слушайте, к нам женщина поступила, ничего не помнит.

В автобусе рожать начала. И ничего не помнит...

– В смысле – всё тут же забывает? Корсаков?⁴

– Нет, после автобуса всё помнит. До – ничего. Даже имени не помнит. Наши – запоминает. Своего – не помнит.

– Не знаю... Реактивный психоз? Травматическая амнезия? Назначайте ей консультацию психиатра... Вызывайте ей консультацию психиатра, – тут же поправился эскулап из психиатрической «Скорой».

– Спасибо за совет, – скептически ухмыльнулась Татьяна Георгиевна.

После пятиминутки в двери кабинета постучалась молоденькая ординатор Светлана Борисовна.

– Татьяна Георгиевна, родильница Пыжикова из второго люкса сошла с ума. Постоянно шепчет своему ребёнку: «Моя нежная, моя сладкая!»

– Ну и что? Любит. Это иногда с женщинами случается – любить собственных детей.

---

⁴ Врач-психиатр имеет в виду патологию, известную как «синдром Корсакова». Синдром Корсакова – разновидность анамнестического синдрома, назван в честь русского психиатра Сергея Корсакова, впервые описавшего этот синдром. Основным признаком синдрома Корсакова является невозможность запоминать текущие события (фиксационная амнезия) при более-менее сохранной памяти на прошлое. Из-за этого возникает анамнестическая дезориентировка во времени, месте и окружающей действительности. Ещё один характерный симптом синдрома Корсакова – ложные и выдуманные воспоминания.

– Да, но у неё мальчик!

– Светлана Борисовна, вам всё равно сегодня вызывать психиатра для безымянной родильницы из первой палаты, так пусть уж он заодно и во второй люкс, к Пыжиковой, заглянет. Раз вы так волнуетесь.

– А вы разве не волнуетесь?! – немного даже разгневанно обратилась к заведующей юная Светлана Борисовна.

– Ни капельки! Может, Пыжикова, как мать Хемингуэя, – девочку хотела?

К полудню в приёмный покой родильного дома заявился невменяемый от горя гражданин Петренко А.В. Через пять минут гражданин Петренко А.В. был невменяем от счастья. Потому что его беременная тройней жена обнаружилась живая и здоровая. И уже не беременная. В лучших традициях классической клинической психиатрии, узрев своего благоверного, она завопила:

– Саша! Саша!!! Я помню, как меня зовут! Меня зовут Женя, да?! Я помню, где мы живём и сколько мне лет! Саша, – вдруг погрузилась всё вспомнившая родильница Евгения Петренко, – я вчера попросила тебя купить мне тортик. А ты сказал, что очень устал и не будешь никуда заезжать, потому что пробки и припарковаться негде и... И я очень обиделась и ушла из дому!

– Идиотка! – плакал Петренко А.В., обнимая жену. – Я куплю тебе тортик! Я куплю тебе тысячу тортиков! Я куплю

тебе все тортики в этом городе!!! Доктор, доктор, ей можно тортик?!

– Да хоть дюжину. В том числе в клизме! Берите кремовый. Без орехов. Ещё рекомендую разыскать водителя автобуса и вознаградить его. Желательно – материально! Номер маршрута и приметы уточните у санитарки Борисовны из вчерашней смены приёмного – у неё такая крепкая память на подобные детали, что любой опер от зависти протокол съест, – улыбнулась Татьяна Георгиевна. – К вашей жене сегодня придёт психиатр. Привезите ей паспорт, обменную карту и вещи. И зайдите в детское отделение, спросите неонатолога о детях.

– С ними всё в порядке?!

– Я – акушер-гинеколог. Поэтому я вам говорю: «Зайдите в детское...»!

– Доктор, что я пережил этой ночью!..

– К психиатру!

В три часа дня к Татьяне Георгиевне снова заглянула молоденькая Светлана Борисовна. Она была немного смущена.

– Что ещё у тебя?

– У Пыжиковой психиатр был. Она нормальная... «Нежной» и «сладкой» оказалась «сыночка»...

– Сыночек – он, сыночка – она. Всё в порядке. Ты довольна?

– Да. А безымянная, та, что оказалась Петренко, на вас пожаловалась. Психиатру. Сказала, что вы с акушеркой – ненормальные. Называли её плаценту сытной и нажористой. И надо бы ещё проверить, что вы с теми плацентами делаете.

– Я в курсе. Она уже и ментам нажаловалась, мерзавка.

– И что менты?

– Рецепт «нажористого» борща с плацентой попросили...

А что психиатр сказал по поводу Петренко?

– Написал ей в истории родов «реактивный психоз под вопросом». Назначил консультацию и наблюдение у психиатра после выписки. Вы будете сегодня делать обход?

– Разумеется!

В восемь часов вечера, когда Татьяна Георгиевна уже собиралась домой, к ней в кабинет влетела старшая акушерка отделения:

– Таня! Белобрысый интерн с ума сошёл! Присутствовал на позднем аборте. Плод пискнул, он его у акушерки вырвал и убежал с ним в подвал. Заперся в раздевалке. Нам не открывает. Иди!

– Думаешь, мне откроет? Хотя... если предложить ему на мне жениться и усыновить мёртвый плод, может, и сработает!

– Тань. У тебя всё в порядке?

– Абсолютно. Я сошла с ума, выбирая себе профессию. А поскольку это было давно, то уже не считается. Пойдём вы-

ходить замуж за полоумного интерна. Как его зовут-то хоть?

– Серёженькой... Сергеем Ивановичем, – тут же поправи-
лась акушерка.

– Ну ладно, Серёженька, так Серёженька, – вздохнула за-
ведующая обсервацией и отправилась в подвал.

Кадр второй

Подвал

– Знаешь, я сразу заметила, что этот Сергей Иванович не от мира сего! Со всеми беременными по полчаса сидит, каждое шевеление обсуждает, на их языке разговаривает, как будто сам беременный. «Шевеленьице», «выделеньица», «пульсик», «давленьице», сколько «попикали», как утречком «пузожитель» себя чувствовал, как «сердечко», покажите «животик», когда «мазочек» сдали... Тошнотики, короче! Сюсюкает, как будто он не в родильном доме, а в яслях. С послеродовыми сидит, деткам в распашонках умиляется, складочки на чепчиках расправляет, мам про «писи» и «сиси» спрашивает, – докладывала Татьяне Георгиевне по дороге в подвал старшая акушерка отделения наблюдения Маргарита Андреевна.

– Марго, я не менее наблюдательна, чем ты! Я уже заметила этого субтильного блондина, как пить дать самозародившегося на форуме «овуляшечек». Всё собиралась начмеда попросить перевести его в патологию беременности, к Вовику поближе. – Старшая акушерка наблюдения прыснула. – Или в физиологию – от греха подальше. Но грех оказался проворней меня, безгрешной.

Татьяна Георгиевна и Маргарита Андреевна подошли к бронированной двери раздевалки интернов.

В бытность самой Татьяны Георгиевны интерном эта дверь, ведущая в небольшое помещение в одном из дальних углов подвала, выглядела несколько иначе. Ободранная филёночная, запиравшаяся на очень условный замок. В принципе, «с ноги» можно было открыть. Или даже с руки, если рука – женская. Маленькая женская ручка вполне могла пролезть в дыру, расположенную снизу расхлябанной «личинки». Тогда раздевалка интернов была доступна всем и вся. Сантехнику, прячущемуся от справедливого возмездия санитарок. Анестезиологу с анестезистками, вздумавшими перекурить. Акушеркам, детским медсёстрам, санитаркам и, разумеется, самим интернам. Иногда в их и без того тесное помещение впихивали какую-нибудь коробку на «постоять». Из коробки тут же делали стол, за которым во время ночного дежурства можно было выпить кофе и перекурить, с жаром обсуждая детали клинических ситуаций, в которых ещё особенно не понимали, личную жизнь всего, что уже или пока шевелится, а также подробности вечной пьянки, что из скромности почему-то всегда зовётся «вчерашней». Металлических решёток тогда тоже ещё не было, но, что характерно, никогда ничего не пропадало. Может быть, потому, что у соседа было всё точно такое же, как и у тебя. И сантехник с корочками ПТУ не претендовал на ботинки Василия Петровича Иванова, выпускника медицинского вуза. А вот

лет пятнадцать назад, когда маска «равенства и братства» была окончательно сорвана, обнажив истинное бездуховное неравноправие всего сущего в этой стране, первым делом из хлипкой раздевалки интернов ушла норковая шуба какой-то девицы. Так что была установлена бронированная дверь. Да и сама раздевалка расширена за счёт примыкающей каморки. Интернов акушеров-гинекологов стало гораздо больше. В этом году, например, на клинической базе родного роддома Татьяны Георгиевны ошивалось человек двадцать бронеподростков. Против тех пяти, что были присланы для прохождения интернатуры в тот замшелый год, когда она сама только окончила медицинский. Всего лишь ещё институт, а вовсе не университет и не академию. Пятеро – включая её.

Сколько с тех пор околоплодных вод утекло – пару цистерн, наверное. Названия становились громче, одежды – богаче, а специалистов, владеющих ремеслом акушерства и гинекологии от и до, – всё меньше. Вот такой вот парадокс. Хотя почему парадокс? Тому, чему могут обучиться на клинической базе пятеро, никогда не обучатся два десятка. Антигегелевский скачок, знаете ли. Ученик при лекаре должен быть один. И этот ученик должен хотеть учиться, пылать страстью к этому тяжёлому и кровавому – безо всяких там эвфемизмов – ремеслу. Жить им. Причём жить здесь – в роддоме. И обладать соответствующим характером. К ученику, если он дельный, прикипаешь, как к родне. Как к хорошему другу. Невозможно прикипеть к толпе. К безликой, бес-

характерной, безыдейной. Когда это такое было, чтобы заведующий не помнил, как зовут интерна, находящегося на базе его отделения? Никогда такого не было. А теперь – стало. Они, прежние, всей той пятёркой, действительно жили в клинике, зная всех и вся, ориентируясь в этих закоулках, как у себя дома. Они изучали снизу, с мелочей – где биксы с бельём и у кого мыло требовать, если в операционной закончилось. Корона с них не падала просить акушерку биомеханизмы родов в значимо-прикладных деталях повторять и повторять им, выпускникам медицинского вуза, чьи головы полны всего лишь теоретическими знаниями.

А эти? Ничего не умеют. Но это бы и не страшно – сами такими были. Но нынешние и учиться не хотят. А вот это уже пугает. Кому нужно это неблагодарное – не сразу благодарное – акушерство с бесконечными бессонными ночами? Тяжкое ремесло... Так что эти, нынешние, хотят сразу эндоскопией заниматься. Причём – в гинекологии. Чтобы без лишних рисков. И без лишней крови. А кесарево пока кесарево и есть. Младенца, конечно же, можно извлечь через две маленькие аккуратненькие дырочки, введя в матку милые гибкие трубочки. Но только долго крошить на куски придётся. Искусственное прерывание на позднем сроке тоже то ещё удовольствие. Кому это надо? Лучше сидеть на аппарате УЗИ. Чистенько, и беременные довольны, что им «фотографию чада» выдали. Да и гинекология – нелёгкая стезя. Но почему-то юная поросль думает, что как только научит-

ся делать аборт – так сразу и озолотится. Ага, счёт в банке побезлимитнее приготовьте, как же! Во-первых, кто же вам аборт даст делать, пока есть заведующий, доцент Матвеев, начмед и ещё пара-тройка зубров? Гады, ах какие гады! Монополисты чёртовы! Но они эту «монополию» выстояли, выучили, заработали! Им никакие сроки и никакие загибы не страшны, потому что у них что? Руки! И головы... Мастерство ремесленников, помноженное на интеллект мыслителей. Им что бартолинит⁵, что операция Вертгейма⁶ – всё умеют, ни от чего носы не воротят. А интерн этот, блондинистый, понятия не имеет, что такое бартолиниевы железы, где они находятся... И смех, и грех. Врач, блин! Хотя, а ей какое дело? И чего она сама с собой разворчалась, как старуха на повышение цен?!

– Марго! Мне кажется, я старею! – выпалила Татьяна Ге-

---

⁵ *Бартолиниевая железа* (железа преддверия влагалища) – большая парная железа, расположенная в толще больших половых губ. Величина железы около полутора-двух сантиметров, её выводные протоки открываются в щелевидном пространстве между малыми половыми губами и девственной плевой. Бартолиниевы железы выделяют богатый белком секрет, увлажняющий вход во влагалище во время полового акта. Может произойти закупорка сосудов выводных протоков, что приведёт к возникновению ретенционных кист. При их инфицировании и образуется бартолинит – воспаление и, как правило, абсцесс, требующий хирургического лечения.

⁶ Операция Вертгейма – названа по имени австрийского акушера-гинеколога Вертгейма (1864–1920 гг.) – хирургическая операция полного удаления матки с придатками, верхней третью влагалища, околоматочной клетчаткой и регионарными лимфатическими узлами. Применяется при раке шейки матки.

оргиевна своей давней подруге, старшей акушерке отделения.

– Да ну! Старееет она! Отлично выглядишь, не свисти! – ответила Маргарита Андреевна, откликаясь как бы не на речи, а на ворчливые мысли своей заведующей. – Пришли.

Татьяна Георгиевна постучала в металлическую бронированную дверь.

– Уходите! – плаксиво раздалось оттуда.

– Сергей Иванович, откройте немедленно! – приказным тоном сказала заведующая обсервацией.

– Не открою!

– Прикажете бригаду МЧС вызывать, чтобы дверь вскрывали? Я мигом. Только оплата их услуг из вашего кармана. Если я за каждого психически ненормального платить буду, мне никаких нетрудовых доходов не хватит, не то что зарплаты! Я не шучу! И скажите мне, какого дьявола вы там заперлись с мёртвым плодом?

– Это не плод, это ребёнок! – послышалось из-за двери. – И он не был мёртвым! Он пищал!

– Сергей Иванович, вы под дулом пистолета свою специальность выбирали?

– Папа хотел, чтобы я стал врачом! А я хотел быть дизайнером одежды... О боже! Он опять пищит!

– Не тискай труп, идиот! Это пищит твоё малахольное самолюбие. Или папино. – Маргарита Андреевна зашлась в беззвучном хохоте. Татьяна Георгиевна погрозила ей кула-

КОМ.

– Сергей Иванович, сколько вам лет?

– Двадцать три! – всхлипнуло в ответ.

– Так ещё не поздно это самое... дизайнером одежды. Самое оно, я бы сказала.

Старшая акушерка достала пачку сигарет и вытряхнула из неё две. Прикурила одну и протянула Татьяне Георгиевне. Заведующая затянулась и проговорила более ласково:

– Серёжа, откройте. Ну, ей-богу, что за детство такое!

Подумайте сами, будущий дизайнер одежды, можно сказать Дольче и Габбана...

– Я не могу!

– Сможете, Серёженька, сможете. Но только не здесь – не в каптёрке с мёртвым плодом на руках, понимаете, о чём я?

Замок щёлкнул. И прямо на грудь Татьяне Георгиевне бросился интерн, захлёбывающийся в рыданиях.

– Я думал... Я хотел... Это так жестоко!

– Ну-ну-ну! Ну-ну-ну! – заведующая погладила Сергея Иванович по спине, ощущая себя глупее не придумаешь, и тут же снова погрозила подруге тлеющей сигаретой. Чтобы та не вздумала расхотаться. – Мы все думаем. Все хотим. И мир жесток, дорогой Сергей Иванович. Разве вы до двадцати трёх лет ещё не имели возможности познакомиться с этим неоспоримым фактом? Отдайте нам плод!

– Это ребёнок! – интерн с визгом отпрыгнул от Татьяны

Георгиевны и бросился на стул, окунув лицо в ладони. – У него руки, и ноги, и голова, и он пискнул, когда родился!!!

– Это плод двадцати четырёх недель гестации, милый вы мой. – Татьяна Георгиевна затушила бычок в маленькой карманной пепельнице.

С некоторых пор в родильном доме курение было под категорическим запретом, равно как и курение в подвале. Так что ржавые кастрюли и жестяные банки, некогда ещё встречавшиеся здесь, давным-давно были подвергнуты остракизму. Эстетики это подвалу не добавило, и количество бычков, валяющихся на полу, день ото дня множилось, вызывая неудовольствие санитарок, убирающих эту территорию. Ворча, они устанавливали новые ёмкости. Но неутомимый начмед каждое утро наказывал сметать с лица подвала «курительные станции». Так что к вечеру... Короче, было куда проще обзавестись мобильной пепельницей, чем участвовать в повышении уровня энтропии, неизбежно следующей за оздоровлением образа жизни медицинского персонала.

– Нет, не плод! – упрямо вскинулся Сергей Иванович.

Старшая акушерка снова рассмеялась. На сей раз в голос.

– Как вы можете смеяться!

– Ох, простите, Сергей Иванович. Я не над этим... Просто вы очень забавно выглядите.

– Скорее печально, Маргарита Андреевна. Печально вы-

глядит наш юноша. Двадцать три уже, взрослый совсем. А нос опухший, сопливый. Глаза красные, как у кролика. Ну, отдавайте уже нам плод, дорогой мой. Мы обязаны отправить его на вскрытие, на патоморфологию и прочую гистологию. Наш святой долг – его исследовать. Если плод пропадёт, то уже завтра в «Комсомольской правде» появится очередная «сенсационная» статья под названием: «Убийцы в зелёных пижамах разделявают детей на органы в больничных моргах!» Где он?

– Я... Я завернул его в свой пиджак. Я думал, что я его отогрею... Оживлю... А он... Он там, в моей тумбочке! – махнул рукой интерн.

– Надеюсь, хоть к груди не прикладывали? – опять не удержалась от короткого смешка старшая акушерка отделения.

– Зачем?! Зачем женщины это делают? – вскричал парнишка раненым экзальтированным зайчиком.

– Что именно, дорогой мой? – спокойно, чуть иронично, уточнила заведующая.

– Аборты! Зачем женщины делают абортс?!?

– Аборты, Сергей Иванович, делают врачи.

– Да! Зачем вы с ними это делаете?!?

– Ох, Сергей Иванович, раз существуют поздние медицинские абортс, должен же их кто-то делать? После того, что неграмотные мужчины делают с неграмотными женщинами. И я не умение читать, как вы понимаете, имею в виду. –

Татьяна Георгиевна замолчала и тяжело вздохнула. Маргарита Андреевна состроила ей мину: «Ты чего?!» Заведующая махнула рукой и насмешливым тоном продолжила: – Возможно, когда вы, Сергей Иванович, станете дизайнером одежды, придёт к вам клиент и захочет сшить себе трусы из кожи питона. И сошьёте, куда денетесь! Если вы, конечно же, станете востребованным дизайнером одежды.

– Что вы сравниваете! – театрально заломив руки, крикнул интерн.

– Действительно, Тань, сравнение неуместное, – ехидно вставила неутомимая Марго, доставая пиджак с завёрнутым в него плодом из шкафчика Сергея Ивановича. – Ему за трусы из кожи питона заплатят больше, чем ты за год получаешь. К тому же он может отказаться шить эти трусы, а к тебе в отделение если баба направлена – фиг ты откажешься... Пиджак, Сергей Иванович, в химчистку сдайте, не полнитесь. Хороший же, дорогой. Иди-знай, что у той бабы было!

– Я к нему не прикоснусь! Выкину!

– Чего это хорошую дорогую вещь выбрасывать?! – возмутилась рачительная старшая. – Правда выкинете?

– А вы думаете, я смогу его после этого носить?! – истерично воскликнул сентиментальный переросток. – И никакой он не дорогой. Ткань только. А шил я сам.

– Смотри-ка, ничего сшито... очень даже... – внимательно разглядывая пиджак, констатировала Маргарита Андреевна. – Пожалуй, я себе заберу. Папаше своему отдам, у вас

с ним один размерчик – он у меня такой же щупленький.

– Марго! – строго одёрнула её Татьяна Георгиевна.

– Забирайте! – выкрикнул интерн.

– Сергей Иванович, вставайте, – мягко обратилась к интерну заведующая. – Давайте, ножками, ножками... Идёмте, мы вас с Маргаритой Андреевной чаем напоим.

Одним чаем дело не обошлось. Пришлось вызывать анестезиолога с внутривенным релаксирующим коктейлем. А затем – звонить папе безутешного Сергея Ивановича. Чтобы забрал свою «нежную сладкую сыночку» домой.

– Иван... простите, как ваше отчество? – обратилась Татьяна Георгиевна к родителю, любезно препровождённому из приёма к ней в кабинет, где на её собственной койке посапывало, всхлипывая, великовозрастное недоразумение.

– Для вас, Татьяна, просто Иван! – расплылся в обольстительной улыбке папаша.

– Для вас – Татьяна Георгиевна, – надменно сказала уставшая заведующая. – Иван, – продолжила она более сдержанно, без металла в голосе, – медицина – не совсем подходящее занятие для вашего парня.

– Я знаю, что он тряпка! Но его покойная мать так хотела, чтобы он стал врачом! Хотя он с детского сада только и делал, что рисовал всякие тряпки, шил всякие тряпки и наряжал в эти тряпки кукол, тряпка! Он даже себе одежду сам

начал шить чуть не с пятого класса.

– Так отец хотел или мать? Что-то папа с сыном путаются в показаниях.

– Мать хотела. Ну и я. В память о ней. А этот придурок всё шьёт и шьёт. Полуобъём бедра, понимаешь!

– Что?

– Это я ему такую кличку недавно дал. Он загорелся идеей шить трусы. Вы, Татьяна Георгиевна, знаете о таком? О полуобъёме бедра? А как он виртуозно штопает даже самые дорогие брендовые тряпки – никто и с лупой не разберёт!

– Понятия не имею о полуобъёмах! Об объёме циркулирующей крови – пожалуйста. Швы по разным авторам умею накладывать. А о полуобъёме бедра – не слышала. – Она улыбнулась. – Мне искусство штопки только по живым тканям известно.

– А этот пришибленный знает. И, что характерно, – вы будете смеяться! – отличные трусы шьёт, поганец!

– Не буду смеяться. Трусы шить – тоже дар, между прочим. Ну и тем более, зачем тогда медицинский?

– То есть рождённый ползать летать всё-таки не может? – скептически усмехнулся Иван, так же похожий на своего сына, как арабский жеребец на декоративного кролика.

– Кто для чего рождён и что ему с этим делать – дело деликатное. И уж точно – не наше с вами. А если и наше, то до тех самых годков пяти-шести. Дальше – не навреди. А я сыном, умеющим виртуозно штопать или трусы шить, горди-

лась бы! – Татьяна Георгиевна немного помолчала. – Иван, ваш сын сегодня пытался оживить плод от поздняка. Позднего аборта. Такого аборта, что обыватели именуют «искусственными родами». Это жестокая операция. Несложная, но жестокая. И «на выходе», извините за несколько неуместную терминологию, мы имеем вполне себе сформированный плод. Такой, что очень похож на новорождённого. Только меньше. Ручки у него, Иван, ножки, у такого плода. Личико... Чаще всего они рождаются уже мёртвыми, потому что мы убиваем их внутриутробно. Вы же понимаете, что тот, кто виртуозно штопает и шьёт трусы и поправляет на живых желанных младенцах чепчики, содрогнётся, увидав такое. Я уже не говорю о его неспособности хоть когда-нибудь выполнить такую операцию. Очень редко, Иван, такие плоды рождаются... не совсем мёртвыми. Они нежизнеспособны. И плюс-минус быстро умирают. Иногда акушеркам приходится кое-что предпринимать, чтобы не длить то, что люди привыкли называть страданием... Даже вы, Иван, слегка побледнели. А ваш сын сегодня заперся с подобным плодом в подвале. Когда мы его оттуда выманили, он ещё долго бился в рыданиях у меня в кабинете, обвиняя всех акушеров-гинекологов и меня лично во всех грехах и предсказывая адовы муки после смерти. Не обрекайте его на адовы муки ещё при жизни. Всё равно из него приличного врача не выйдет.

– Я его в терапию отправлю.

– Я не сказала, что из него не выйдет приличного акуше-

ра-гинеколога. Я сказала, что из него не выйдет приличного врача. В терапии тоже всякое случается, знаете ли... Я рапортую о случившемся начмеду, главному врачу и профессору, курирующему интернов. Если вам важно не то, кем будет ваш сын, а будет ли он вообще – разрешите ему заниматься тем, что ему по душе. Пока не поздно. Я вообще не понимаю, как он медицинский вуз окончил! Хотя так, как их теперь там учат... В общем, забирайте его отсюда для начала, – Татьяна Георгиевна кивнула на койку. – А дальше – дело ваше. В моём отделении его больше точно не будет.

– Татьяна Георгиевна, вы свободны сегодня вечером? – огорошил её папаша Сергея Ивановича. – Вы не замужем, я – вдовец...

– Откуда вы знаете, что я не замужем? Ах, ну да... Времена меняются только в виде дверей.

– В смысле?

– В смысле снимите вашему чувствительному болтуну квартиру, купите хорошую швейную машинку, и пусть занимается, чем хочет... Судя по костюму, рубашке и ботинкам, деньги у вас на эти мероприятия найдутся. И сегодня вечером я занята. И завтра, на всякий случай, тоже. Я занята по вечерам на всю мою оставшуюся жизнь.

– Зря, Татьяна Георгиевна. Зря!

– Очень даже может быть. Но я не желаю проводить вечера с человеком, ломающим мой характер. Он у меня уже слишком установившийся, – усмехнулась заведующая. – Так

что не обижайтесь, Иван. Ничего личного. Вы красивый мужчина и как только отселите сынишку и забудёте на его жизнь – толпы молодых девиц просто накинута на вас.

– И всё-таки, если передумаете... – Иван протянул Татьяне Георгиевне визитку. Она отрицательно покачала головой. Он положил визитку на стол и, подхватив под руки пошатающегося и всхлипывающего сынишку, отчалил.

В кабинет тут же заскочила старшая акушерка и цапнула со стола визитку:

– Иван Спиридонович Волков, генеральный директор ООО «Мандала».

– ООО... чего?! – приснула Татьяна Георгиевна.

– Манда, блин, ла! Манда-ла-ла-ла! – подхватила Маргарита Андреевна.

– Господи, даже страшно предположить, за что его общество ограничено отвечает! – утирала выступившие от хохота слёзы заведующая обсервацией. – За чистые земли будд? За шерстяные ниточки для детского творчества, коим нынче увлекается иное бабё? Это может быть что угодно! Алмазные диски для болгарок, например.

– А может, он торгует этими самими... – зловеще начала старшая акушерка.

– Марго!

– Ла-ла-ла-ми торгует! В любом случае дядя видный. И машина у него – блеск! Какого ты отказалась?!

– Маргарита Андреевна, я не хочу иметь ничего общего с

человеком, не понимающим собственного ребёнка. И вообще, чего ты лезешь в мою личную жизнь?

– Никуда я не лезу! У тебя личной жизни нет, так что лезть особенно некуда. Я бы этому гадёнышу, сынку его, ещё бы и по жопе выписала. Забыла, как он тут нам целый час лекцию слёзную читал? Убийцами называл, а?!

– Тут он прав. Поздний аборт – убийство.

– Ты что, даже на него не рассердилась?

– За что на него сердиться? Доктор на больных не обижается, – Татьяна Георгиевна улыбнулась.

– Ну, ты вообще... Чистый Будда.

– Ага. Сейчас, мандалу в душ свожу – и светиться начну.

– Ладно, я пошла. В хате жрать нечего, псина не выгуляна, Светка неизвестно где шляется. Ты домой?

– Что мне дома делать? Поздно уже. Тут останусь.

– Зря ты всё-таки отшила этого Ивана Спиридоновича. Можно подумать, они за тобой стадами ходят. Нет, ну, может, и ходят... На дежурный перепихон без отягчающих последствий!

– Маргарита Андреевна!

– Что Маргарита Андреевна?! Я сто лет уже Маргарита Андреевна! Где ты сейчас приличного мужика найдёшь? Ты же нигде и не бываешь толком.

– Марго, иди уже бога ради! Псину выгуливай, Светку ищи и жрать готовь. Я их вообще не понимаю, этих приличных мужиков. У меня же на лбу написано: «Не дам прилич-

ному мужику!»

– Ага. А снизу мелко и неразборчиво: «Но очень хочется...»

– А я-то, дура, думала, чего мне не хватает – только персональной сводницы!

– Что ты крысишься, а? Я ж любя.

– Знаю.

– Ладно. Друзья на мандалу не обижаются. И всё-таки зря!

– Маргоша, у меня климакс на носу, а ты мне о мужиках...

– Кстати, о климаксе! Я тут с этим... бледным нянем... чуть не забыла. Профессорша звонила, требовала, чтобы ты завтра на кафедральное явилась.

– Вот её мне только не хватало! Спасибо, Маргарита Андреевна. Иди уже...

Кадр третий

Климакс

– Кто бы сомневался, что Татьяна Георгиевна у нас такая шишка, что непременно опоздает на кафедральное заседание! В кои-то веки осчастливив нас своим присутствием! – с невыразимой злостью отозвалась профессор в ответ на вежливое: «Извините, Елизавета Петровна, у нас в отделе-нии была ургентная ситуация». – Разумеется, никто, кроме Татьяны Георгиевны, не смог бы разобраться с ургентной ситуацией в отделе-нии!

– Я – заведующая, – скромно резюмировала Татьяна Георгиевна, потупив ехидные глазки, и присела на свободный стул с краю стола.

За этим огромным столом сидели лаборанты, аспиранты, ассистенты, доценты, два молодых доктора наук и прочая публика, имевшая несчастье состоять на кафедре совме-стителями. Или не состоять, но являться соискателями учё-ной степени, как Татьяна Георгиевна. Последние вроде как и независимы от кафедры. Но, увы, не от капризов научного руководителя или консультанта.

– Людочка, открой окно! – скомандовала Елизавета Петровна старшей лаборантке.

Шестидесятилетняя «Людочка» бросилась исполнять приказание сорокавосемилетней Елизаветы Петровны. Доцент Матвеев поплотнее закутался в синий байковый халат «для выхода». Дело в том, что за окном было минус пятнадцать, завывала утренняя сумеречная выюга и температура в просторном кабинете профессора неуклонно стремилась к «ниже нуля». Сидящий недалеко от окна аспирант смачно чихнул. И ещё чихнул. И ещё. Профессор уставилась на невинную жертву.

– Какого чёрта вы ходите на работу, если больны?

– Вы... Апчхи!.. Извините. Вы сами... Апчхи!.. Извините. Вы сами, Елизавета Петровна, сказали, что уважительной причиной неявки на кафедральное может являться только смерть! – выпалил он скороговоркой и снова расчихался.

– Людмила Николаевна, – нарочито вежливо обратился доцент Матвеев к старшей лаборантке, – сделайте мне горячего чаю, пожалуйста!

– Вам что, холодно, Юрий Владимирович? – с улыбкой анаконды поинтересовалась Елизавета Петровна.

– Нет, ну что вы! – прикинувшись маленькой, но ядовитой змейкой, парировал доцент. – Мне не просто холодно, мне холодно, как челюскинцам на льдине!

– Вам всем что? Тоже холодно?! – Елизавета Петровна обвела присутствующих взглядом голодного питона.

Но что мог позволить себе доцент Матвеев, то у простых смертных штатных кафедральных сотрудников, совместите-

лей и соискателей и близко к речевым центрам не лежало.

– Нет-т-т-нет-т-т, нам-м-м т-т-теп-п-п-ло! – хором выбили они дробью.

Татьяна Георгиевна покосилась на Матвеева, мысленно похвалив себя за предусмотрительность. Перед тем как отправиться на пятый этаж в кабинет Елизаветы Петровны, она надела под пижаму термобельё. А сверху – халат. Белый, плотный. И второй сверху. Такой же, как и на доценте Матвееве, байковый синий «для выхода». А ещё – натянула на уши белую шапочку.

Доцент Матвеев кинул хитрый взгляд на Татьяну Георгиевну и демонстративно достал из кармана синего халата белую вязаную шапочку и белые шерстяные перчатки. Мол, не одна такая умная!

Старшая лаборантка поднесла ему чашку горячего чая, налитую из электрического самовара, стоящего на журнальном столике профессорского кабинета. Шумно прихлебнув, доцент Матвеев сообщил в пространство:

– Эх, на морозе кипяточку завсегда хорошо! – И ещё раз смачно сёрбнув для пущего эффекта, добавил: – Хоть и самовар у нас электрический и сами мы не вполне искренние! В соответствии с классиком сатиры!

– Юрий Владимирович, на этом балаган можно считать закрытым? – поинтересовалась Елизавета Петровна, обмахиваясь веером, рекламировавшим продукцию корейских производителей ультразвуковых аппаратов. – Я уже могу про-

должить заседание кафедры? – Она обвела присутствующих не совсем вменяемым взглядом.

Присутствующие, представлявшие собой жалкое зрелище, согласно потрусили заиндеветыми головами. Цианоз кожных покровов заседателей нарастал. Один из ассистентов – Алексей Петрович – пошёл красными пятнами и покрылся контурированной сосудистой сеткой. У него была выраженная холодовая агглютинация.

– Итак, на повестке дня... Людочка, закройте окно, тут все такие неженки! – возмущённо воскликнула Елизавета Петровна. – Будем проводить кафедральное в духоте!

Шестидесятилетняя «Людочка» молча кинулась исполнять.

– На повестке дня несколько вопросов. Первый касается организации и проведения международной конференции «Эндоскопия в акушерстве и гинекологии»...

Профессор долго говорила, изрыгая изо рта пар и интенсивно обмахиваясь веером. Щёки её алели, на лбу выступила испарина.

– Нет, не могу!.. Людочка, открой окно! Неужели вам всем не жарко?! – крикнула она, чуть не плача.

На девочке-аспирантке, ближе всех сидевшей к открытому окну, только-только начал подтаивать сугроб, наметённый на шапочку.

– Нам всем не жарко! – радостно воскликнул доцент Матвеев.

– А вы, Юрий Владимирович, должны подготовить мне программный доклад к конференции! – взвизгнула Елизавета Петровна.

– Я уже давно никому ничего не должен! – холодно ответил доцент. – Людмила Николаевна, ещё, пожалуйста, кипяточку! – тут же нежно проворковал он лаборантке.

Все присутствующие жадно посмотрели на самовар.

– Мне эта конференция вообще до одного места! – заявил Юрий Владимирович вдогонку. – Особенно когда такие взносы. Я бы ещё понял, если бы конференция проходила в Бразилии. Но дома?.. Какие такие блага и кому я должен оплачивать, внося непомерные суммы?!

– Из всех здесь присутствующих вы, Юрий Владимирович, больше всех и зарабатываете! А они, – обвела она верером аспирантов, ассистентов и соискателей, – уже внесли, между прочим!

– Их дело молодое, подневольное. У них мамы и папы есть на крайний случай. А я сам себе и мама и папа. У меня семья. Даже две. И даже три. А платить за то, чтобы выслушать, как вы плаваете в результатах моей работы, – увольте! – Доцент снова начал шумно прихлёбывать поданный ему старшей лаборанткой горячий чай, любовно обнимая шерстяными перчатками фарфоровую чашечку. – Так что не надейтесь на мой доклад. Я, разумеется, буду участвовать. Но только через вашу голову. И со своим докладом!

– Да что вы себе позволяете, Юрий Владимирович! – Ве-

ер замельтешил ещё безумнее, размазывая по пространству логотип корейского ультразвукового бренда. – Ладно! – внешне успокоилась профессор. – Мы с тобой, Юра, потом поговорим, – завершила она почти ласково. – Людочка, закрой-те, пожалуйста, окно, – и вовсе уж трепетно обратилась Елизавета Петровна к старшей лаборантке.

Людмила Николаевна поднялась с кресла при журнальном столике, запахнула меховую жилетку и пошла закрывать окно.

– Следующий вопрос – защита докторской нашего начмеда. Вам туда идти не обязательно, но мы должны скинуться на подарок от кафедры!

– А вдруг Сёма ещё и не защитится? – хохотнул неутомимый доцент Матвеев. – Вот вдруг возьмёт кто-то из членов специализированного диссертационного совета да и проголосует против? А если против будут единогласно? Я такой туфты, что вы нагнали в работу нашего прекрасного Семёна Ильича, ещё и близко не встречал! Какая там докторская?! Это даже на толковый реферат не тянет! Хотя о чём я тут...

– Юрий Владимирович!

– Да?! – с подобострастной готовностью изогнулся в сторону профессора доцент.

– У Семёна Ильича отличная диссертация. Вы же читали отзывы оппонентов!

– О да! И даже сам написал хвалебную рецензию. Разве я могу отказать старому другу и тем более начмеду?! Разве

может быть что-нибудь важнее экобиопсихосоциогеофакторов в развитии ранней преэклампсии у менеджеров среднего звена? – доцент откровенно заржал.

– Не надо передёргивать, Юрий Владимирович!

– Да ну что вы! Это я ещё недодёргиваю!

– Юрий Владимирович, вас не ждут в операционной? – язвительно поинтересовалась Елизавета Петровна.

– Нет. Вы разве не в курсе, что сегодня в клинике неоперационный день, дорогая моя? Профессор обязан знать, что понедельник в нашей клинике – неоперационный день. Оперирующий профессор, разумеется, – скромно завершил он, театрально потупив глазки.

– Вы, Юрий Владимирович, слишком много себе позволяете! – зловеще начала Елизавета Петровна.

– Апчхи! Апчхи!! Апчхи!!! – не выдержал несчастный аспирант.

– Прекратить! – рявкнула профессор и швырнула веер на стол.

– Изви... Изви... Изви... АПЧХИ!!! – грохнул бедолага-аспирант так, что со стола слетели бумаги.

– Вон!!! И не вздумайте просто уйти!!! Идите в поликлинику, открывайте больничный!

– АПЧХИ!!! – заплакал аспирант, отползая к двери.

– Людочка! Откройте окно!.. Теперь вы, Татьяна Георгиевна! Когда вы уже напишете статью, я вас спрашиваю?! В родзале бабки заколачивать – это, конечно, хорошо, но

в вашем немолодом уже возрасте давно пора бы дописать несчастную кандидатскую диссертацию!.. Людочка! Закройте окно!

Людмила Николаевна уже не отходила от рамы.

– В общем, так, – Елизавета Петровна расстегнула халат и воротник блузки. – Фуф! Жарко! В общем, так. Каждый сдаёт на участие в конференции, каждый сдаёт на подарок начмеду. Завучи клинических баз остаются, чтобы мы могли согласовать расписание занятий интернов. Кто остался за главного, пока Семён Ильич в командировке?!

Доцент Матвеев ткнул подбородком в Татьяну Георгиевну.

– Ну да, кто бы сомневался! – яростно шикнула профессорша. – Обо всех сложных случаях докладывать непосредственно мне, Татьяна Георгиевна.

– Зачем она будет вам докладывать?! – весело, талантливо изображая незамутнённое простодушие, уточнил Юрий Владимирович.

– Людочка! Сколько вам говорить? Откройте окно!

– Окно открыто, Елизавета Петровна, – спокойно ответила шестидесятилетняя «Людочка», завистливо косясь на шапочку и перчатки доцента Матвеева.

– Затем, что, когда нет начмеда, профессор курирует клинику! – выкрикнула в пространство профессор. – И когда есть начмед – профессор курирует клинику! А Татьяна Георгиевна себе слишком много позволяет!..

– Каждый позволяет себе ровно столько, сколько может позволить, – философски-равнодушно заключил Юрий Владимирович.

Татьяна Георгиевна все силы тратила на то, чтобы не рассмеяться. Или не разозлиться. Профессор её жутко бесила. Но не так, как бесила Татьяна Георгиевна саму себя. За то, что за каким-то чёртом несколько лет назад запланировала кандидатскую! Оно ей надо было? Всё потому, что Семён Ильич всё зудел и зудел, что полным-полна клиника малолеток с учёными степенями. Ни черта не умеют, а кандидаты наук! А ты, мол, кто? Никаких регалий! Татьяна Георгиевна согласилась. Запланировалась. Научным руководителем её работы была Елизавета Петровна. Тема дурацкая. Наукой заниматься совершенно неохота. «Наукой» – правильнее в кавычки брать. Потому что есть наука, а есть «наука». Пляши теперь тут под дудку с малолетками. Не по рангу ей, Татьяне Георгиевне, тут сидеть и профессору поддакивать. А как Юрий Владимирович она не может. Он вообще один такой. Вот что она, заведующая отделением, уважаемый человек, делает тут, на этом глупом невразумительном фарсе, именуемом «заседание кафедры»? Елизавета Петровна, разумеется, профессор. И даже заведующая кафедрой акушерства и гинекологии. Одной из многих кафедр. Но ей-то, Татьяне Георгиевне, что с того? Матвеев – он хотя бы доцент. И вообще забавный. Он тут развлекается. А она тут что дела-

ет? В термобелье. У профессорши жестокий патологический климакс. Долгоиграющий. Летом она в самую жару проводила кафедральное, закутавшись в оренбургский пуховой платок. И та самая несчастная аспирантка, что не падает со стула только потому, что заледенела, летом грохнулась в обморок, получив тепловой удар в духоте, при закрытых окнах. Профессор изо всех сил строит из себя мать-командиршу. И есть, есть достойные профессора, умеющие и мозгами и руками. Эта – только языком. Умела. Теперь, как климаксом накрыло, совсем мышей не ловит. А уж как её терпеть не может начмед...

В дверь постучали.

– Что там ещё?! Людочка, посмотри!

Шестидесятилетняя «Людочка» покорно метнулась к двери. Там обнаружилась молоденькая санитарочка.

– Татьяну Георгиевну срочно требуют в приёмное отделение! – несмело пискнула она. И тут же зажмурилась на всякий случай.

– Передайте, что Татьяна Георгиевна занята! – протрубила Елизавета Петровна.

– Там кровотечение! – широко распахнув глаза от собственной ответственности и недоумённо поёжившись от холода, смело прошептала санитарочка.

– Лиза! Этот случай прямо-таки нуждается в твоей курации! – чуть не подпрыгнул доцент Матвеев.

Татьяна Георгиевна метнула на него гневный взгляд.

– И я! И я тоже с вами пойду! Доцент я, в конце концов, или кто вам тут?

– Хорошо! Все пойдём! – злобно просипела профессор. – Из-за того, что кафедральное прервано, следующее будет в конце недели, в пятницу!

– Не будет! – притворно сожалея, вздохнул доцент Матвеев. Он уже встал со стула и похлопывал себя по плечам. – Не будет, потому что все, кроме меня, Татьяны Георгиевны, Людмилы Николаевны и Елизаветы Петровны, лягут. Кто с ОРВИ, кто с бронхитом, а кто и с воспалением лёгких.

– Елизавета Петровна, – наконец нарушила своё молчание Татьяна Георгиевна, – ни в приёмном покое, ни в родильном отделении, ни в операционной окна открывать нельзя. Санэпидрежим... Ну, и зима.

Девочка-аспиранточка, ближе всех сидевшая к открытому окну, сползла со стула в наметённый сугроб и потеряла сознание.

– Людмила Николаевна! Полстакана крутого чёрного чая, полстакана коньяка, несколько ложек вашего фирменного малинового варенья. Влить в невинное дитя это «Сиянье глаз» – и, может, выживет! – отдал приказание Юрий Владимирович. – Идёмте!

Доцент Матвеев, заведующая отделением обсервации Татьяна Георгиевна и профессор Елизавета Петровна прошествовали к лифту.

– Чёрт! Юрка, что, и правда сейчас не жарко? – жалобно спросила его багровеющая профессор, утирая бисерный пот, обильно выступивший на нижней губе.

– Не жарко, Лизонька, не жарко... Февраль.

– Топят, как ненормальные.

– Нет, топят очень скромно, Лиза.

– Юра, ну не может же климакс столько времени длиться! – чуть не плача, пожаловалась доценту грозная профессор. И обмахнулась прихваченным со стола веером.

– Елизавета Петровна, ты в приёме чувств лишишься, ей-богу. Иди обратно в кабинет.

– Да? – беззащитно посмотрела она на него.

– Да, Лиза, да.

Профессор кинула испепеляющий взгляд на Татьяну Георгиевну, вышедшую из лифта на первом этаже, доцент Матвеев подмигнул заведующей обсервацией и нажал на кнопку пятого. Двери захлопнулись, и лифт унёс профессора-недоумение обратно наверх.

– Не дай бог вот так! – проворчала Татьяна Георгиевна себе под нос.

– Что, всех уже достала своим климаксом профессорша? – сочувственно поинтересовалась старенькая санитарка приёмного.

– Ты-то откуда знаешь?

– Так с лета шальная, морда красная, орёт на всех. Лиза и

в молодости не сахар была, но теперь совсем ополоумела. А всё почему? Потому что не любит её мужик, – вот почему. И не любил никогда!

– Ты, Савельевна, не слишком-то сплетничай. Любит – не любит... У меня вон вообще никакого мужика нет! – рассмеялась заведующая.

– И вы тронетесь, Татьяна Георгиевна. Вот увидите! Не потому, что у вас мужика нет – у вас-то он как раз имеется, – а потому, что... – санитарка запнулась, поняв, что и так наговорила непозволительно лишнего.

– Ну, спасибо тебе на добром слове... Так, что тут случилось?!

Кадр четвёртый

Кровотечение

Вот в родзале было действительно жарко. Особенно в поддетом под пижаму термобелье.

«Кровотечение» лежало на рахмановке, вокруг неё суетился Анатолий Витальевич с портативным УЗИ-аппаратом и молоденькая ординатор Светлана Борисовна Маковенко, вчерашний интерн, противная и въедливая, с обострённым чувством не только справедливости, но и собственной значимости. Но если что-то надо было срочно – могла достать даже мёртвого. Чтобы Толик появился здесь так быстро? Да ещё и с портативным аппаратом? Это пять! Молодец девочка!

– Совсем уже руками разучились работать и головами соображать! – ворчал Толик, вода датчиком по животу развалившейся на рахмановке рыхлой девицы. – Отрывают тут от дела!.. Где классическая акушерская школа?! Вы бы ещё как в «Докторе Хаусе» – сразу на магнитно-резонансную томографию всех отправляли. Чего уж там мелочиться!

– А это разве не ваше дело, Анатолий Витальевич, оперативная помощь в родильном зале?! – пискляво возмущалась Светлана Борисовна. – У меня, кстати, есть сертификат по

УЗИ-диагностике!

– Тебе сказать, как ты можешь использовать свой сертификат, или сама знаешь, где туалет?! Портативный аппарат я за свои приобрел и с муками на баланс ставил. А тут, в родзале, ты должна руками уметь, а не меня от работы отрывать! Ты видала, какая у меня очередь под кабинетом?!

– Ага! Вам бы только деньги с женщин сшибать! Это тоже ваша работа! – гневно ткнула она остреньким подбородочком в пациентку.

– Завидуйте молча, Светлана Борисовна! Подрастёте – тоже пару рублей сшибёте. А ещё лучше – замуж выходите скорее и дома сидите. Не то превратитесь в нашу Татьяну Георгиевну! Привет! – кивнул он вошедшей в родзал заведующей. – Бодрая у тебя пионерка, надоедливая. Какого хера меня позвала? И руками всё ясно было бы, Тань... Тут послед ущемившийся.

– Можно я?! – просительно заголосила Светлана Борисовна.

– Помыться можно. И рядом молча стоять можно! – процедил Татьяна Георгиевна, отправляясь мыть руки. – Позвоните анестезиологу, Светлана Борисовна!

Татьяна Георгиевна уже нырнула в поднесённый санитаркой фартук и стерильный халат, ловко вскользнула в раскрытые второй акушеркой перчатки, обработала влагилице «кровотечения» дезинфекционным раствором и стала вы-

полнять внутреннее акушерское исследование, когда в родильный зал влетел весёлый анестезиолог.

– Сильно не радуйся! Роды на дому, ущемление последа. Давай закись. И внутривенный.

– Обойдётся без внутривенного.

– Не обойдётся!

– А я на чём до следующего утра дотяну?! Вдруг что-то серьёзное привезут!

– Дотянешь, не прибедайся! А это всё, по-твоему, – шутка, что ли?

– Не буду внутривенный делать.

– А я не буду ручное делать. Посидим, подождём? Через полчаса можно будет операционную разворачивать. Там ты одной ампулой не отделаешься.

– Звезда ты, Татьяна Георгиевна! Шантажистка дешёвая! – вздохнул анестезиолог и кивнул анестезистке. Та раскрыла чемодан и зазвенела ампулами.

– Давай табуретку! – скомандовала Татьяна Георгиевна акушерке.

Главная смены услужливо подсунула табурет. Заведующая села и начала работать.

– Когда родила? – обратилась она к Светлане Борисовне.

– Пару часов назад.

– Светлана Борисовна, «пару часов назад» – это где-то в

Индии, да?

– Она точно не сказала, Татьяна Георгиевна.

– Счастливые часов не наблюдают! – веселился анестезиолог.

– Чёрт, плацента у неё дольчатая, как у коровы... Как бы не пришлось в операционную всё-таки...

– Тьфу-тьфу-тьфу! – Анестезиолог мотнул головой в сторону левого плеча.

– А мы Светлану Борисовну опять за Анатолием Витальевичем отправим. Пусть ещё раз УЗИ нам тут исполнит. И правда, не только блатных «беременяшек» ему целый день смотреть, сюсюкать да фоточками размахивать.

– Завидуйте молча, Татьяна Георгиевна! – загоготал анестезиолог. Но, тут же приняв серьёзный вид, мрачно заметил: – Херовато день начинается. Да и вся неделя. Сегодня же понедельник?

– Понедельник, понедельник. Не каркай, Аркадий Петрович!

– Ой, вы что, верите в эти приметы? – презрительно пропищала Светлана Борисовна. – Это же всё ерунда!

– Вы сколько лет работаете, Светочка? – ласково спросил молоденького врача анестезиолог.

– С интернатурой – три! – гордо ответила та.

– А я без интернатуры – тридцать.

Татьяна Георгиевна молча ухмыльнулась, не отрываясь от работы.

– Ну что, всё? – первая акушерка смены поглядела в лоток.

– Достань из набора большую акушерскую кюретку, – тихо сказала ей Татьяна Георгиевна.

– Тань, ты что! Это же послеродовая матка! – прошипела акушерка, гремя открываемым биксом.

– Я аккуратно, Лен. Меня Матвеев учил, не мельтешишь. Видит бог, не хочу я в операционную идти. – Заведующая взяла за ручку поданный инструмент и аккуратно начала работать.

– На послеродовых матках категорически нельзя работать большой акушерской кюреткой! – возмущённой всезнайкой-отличницей заголосила Светлана Борисовна.

– Вон из родзала, – тихо, не поднимая головы, сказала Татьяна Георгиевна.

Светлана Борисовна стояла, задрав вверх помытые руки, из глаз её покатались слёзы, а на лице застыло недоумённое выражение.

– Вы, Светочка, когда научитесь так руками работать, как Татьяна Георгиевна, тогда и выступать будете! – погладил девушку по спине Аркадий Петрович. – А пока молча смотрите и учитесь! Не сейчас. В следующий раз. А сейчас лучше молча и покорно выйдите вон.

– Вон, вон из родзала, Света, – тишайше повторила Татьяна Георгиевна. – Вы где работаете, ординатор Маковенко? – она чуть повысила голос. – На первом этаже? Вот туда

и отправляйтесь. Вы слишком шумите и мешаете мне слышать звук... И вообще, нервируете одним своим постным видом... Так, всё! – Заведующая извлекла инструмент из родовых путей и внимательно осмотрела содержимое лотка. – Окситоцин пока не колите. Матка хорошо сократилась?

Светлана Борисовна, всхлипывая, выбежала из родзала. Акушерка пощупала живот родильницы.

– Крепкая, как камень.

– Вот и хорошо. Сплюнь! Наблюдайте, как за любимой бабушкой.

– О-о-о!!! – заворчала дама на рахмановке, отходя от наркоза.

– Наташа, Наташа! Как себя чувствуешь?! – добрым дядюшкой заголосил над пациенткой анестезиолог.

– Аркадий Петрович, когда вы их имена узнавать успеете?

– Имя пациента в анестезиологии и реаниматологии – самое оно! – значительно объявил Аркаша. – Собственное имя для человека – иногда единственная его связь с миром живых! – Он менторски поднял вверх указательный палец.

– О-о-о!!! Вася, Вася! – надрывно проголосила одурманенная пациентка.

– Я здесь, любимая! – любовно ущипнул за щёку неизвестную ему Наташу Аркадий Петрович. – Сосудистые реакции

в норме.

– Вася, где наш маленький?!

– С нашим маленьким всё хорошо, любимая! – уверенно продолжал декламировать анестезиолог. – Кстати, а где наш маленький? – прошептал он, поворачиваясь к акушерской бригаде.

Первая акушерка смены вопросительно посмотрела на Татьяну Георгиевну. Та пожала плечами. Впрочем, тут же наказала второй акушерке:

– Позвоните детским!

Та пулей выскочила из родильного зала. Телефонный аппарат находился на столе, в коридоре.

– Вася, всё хорошо? – томно пропела родильница.

– Давление? – уточнил Аркадий Петрович у анестезистки.

– И давление и пульс – всё в норме.

– Наташа, я не Вася. Я – Аркадий Петрович, анестезиолог!

Наташа, сколько тебе лет?

– Двадцать во-о-осемь! – пропела Наташа и попыталась дрыгнуть ногой.

– Наташа, не дёргайся! Наташа, какой сейчас месяц?!

– Февра-а-а-аль! – продолжила вокализ пациентка.

– Он! – обрадовался Аркадий Петрович. – Налить чернил и выпить. Рыдать над февралём навзрыд!

– Ваш с Наташей маленький, Аркадий Петрович, в детском отделении обсервации! С ним всё в порядке, – не отказала себе в шутливой малости вернувшаяся вторая акушер-

ка родзала.

– А где Вася? – поинтересовался анестезиолог.

– Ва-а-а-ся, Ва-а-а-ся! – снова-здорово затынула родильница Наташа.

– Кто такой Вася, Наташа?! – строго спросила у очухивающейся пациентки первая акушерка смены.

– Вася – мой муж. Он очень хороший человек! – уже более осмысленно сказала приходящая в себя Наташа. – Мы с подругой два года назад приехали в Москву. Нам было негде жить. Мы познакомились с Васей. У Васи была двухкомнатная «хрущёвка», и он нас позвал к себе. Я тогда была беременная, ещё из Подольска. А Вася записал моего ребёнка на себя. И мы с ним стали жить гражданским браком. А ещё через полгода Вася на мне женился. Подруга жила с нами. Вася и подругу жалел. Через год она от Васи родила. И так у нас троих стало двое маленьких детей. А потом и я от Васи забеременела. Я не собиралась дома рожать. Я даже попыталась стать на учёт в женскую консультацию!..

– Мормон ёбаный... – прокомментировал анестезиолог. – Слышь, Георгиевна, что-то наша Наташа слишком стала шевелиться! Девки, тащите каталку! – громогласно распорядился Аркадий Петрович.

Вторая акушерка и санитарка выбежали в коридор за каталкой.

– А в женской консультации меня на учёт не поставили. Потому что у меня ни прописки, ни полиса, ни денег! – про-

должала родильница.

– Давай, давай, Наташа. Держись за меня ручками и не дёргай ножками!.. Сосредоточься! Ну что, раз-два-три!

На «три!» Аркадий Петрович и вторая акушерка с санитаркой переложили грузную пациентку на каталку.

– Почему мне сверхурочные за работу грузчиком не платят?! – шутливо возмутился в пространство родзала анестезиолог.

Татьяна Георгиевна содрала перчатки, швырнула в таз, сняла хирургический халат, фартук и кинула на пол.

– Планида потому что твоя такая, анестезиологическая! – сказала она старому другу.

– Не поставили меня на учёт! – стонала тем временем Наташа. – Двое детей у нас с подругой и Васей уже есть. Жрать не на что. Вася не работает. Подруга за нашими общими детьми смотрит. Их в поликлинику на учёт тоже не поставили, потому что не прописанные. Вася добрый, но не работает. Жить пустил, да и ладно! Я в супермаркете уборщицей – там прописка не нужна. Не таджичка – и то хорошо. Я не думала дома рожать. «Скорую» хотела вызвать. Не бросят же меня, как собаку бездомную! – зарыдала в голос уже почти окончательно очухавшаяся Наташа. – А тут со смены пришла – схватки. Воды отошли. Пока Вася куда-то там звонил – я уже и родила. Второй же... А где Вася?! – захлёбывалась

родильница.

– А и действительно, где Вася? – поинтересовалась неизвестно у кого первая акушерка.

– Эх, бабы, бабы! – вздохнул Аркадий Петрович. – Леночка! – обратился он к анестезистке. – Уколи этой кретинке трамадол.

– Так его же списывать надо! – возмутилась анестезистка Леночка.

– Мой, из личных запасов уколи.

Татьяна Георгиевна вышла в коридор и села за стол, записать в историю родов всю правду и ничего, кроме правды.

«Беременность...»

– Наташа, какая беременность?! – уточнила она у стонущей на каталке женщины.

– Вторая. Я аборт не делала. Лучше бы делала, дура. Да только... Моему первому туберкулёз поставили в детском саду. Вася как-то его, моего первого, в детский садик пристроил. Не знаю как... Без поликлиники-то. Я в том детском саду тоже уборщицей. А ему туберкулёз. Вася в санаторий отдать не согласился, хотя предлагали. Заведующая детским садом, злобная такая бабища, – как глянет, так сразу все грехи вспоминаешь! – младшему как-то раздобыла путёвку на лечение в туберкулёзный санаторий детский. А Вася мне не разрешил отправить. Заведующая на меня орала и младшего из садика выкинула. А Вася добрый...

«Беременность вторая. Тридцать девять – сорок недель. Роды на дому. Ущемление последа. Кровотечение в третьем периоде родов. Дефект последа...»

Записав протокол операции «Ручное отделение остатков», Татьяна Георгиевна расписала назначения и поставила размашистую подпись.

Принять душ, переодеться и на обход. А где чей Вася и почему бог, желая наказать женщину, лишает её остатков разума, – не её дело.

– Татьяна Георгиевна, вас зовут в приёмное. Женщина с улицы поступила. Необследованная. Подозрение на преждевременную отслойку плаценты.

В час дня Татьяна Георгиевна вышла из операционной.

В три снова туда вернулась. Полное предлежание плаценты. Планировали кесарить завтра. Вступила в роды. Так что в операционную не просто отправились, а помчались галопом. Аллюр «три креста», блин!

В пять привезли ещё одну отслойку.

В семь – релапоротомия со второго этажа. Гематома послеоперационного шва. Кровотечение в брюшную полость.

В девять – в малой операционной первого этажа крованул поздний аборт.

В одиннадцать – экстренно кесарили женщину с анато-

мо-функциональной несостоятельностью рубца на матке.

В час ночи Татьяна Георгиевна вышла с Аркадием Петровичем перекурить. Пока они вдыхали никотин пополам с морозными февральскими звёздами, на её законном месте припарковалась старенькая «БМВ» Маргариты Анд-реевны. Такая старенькая, что уже не хлам, а практически vintage⁷. Один шаг до antique.

– Тань, сейчас одна моя баба в роды вступила. Помнишь, краевое предлежание последа? В общем, она сюда едет. Ну и я, разумеется, приехала. Она с тобой на роды договаривалась. Это я так... Если ты забыла. Хорошо, что ты ещё домой не ушла.

– Да уж! Хорошо. Лучше не бывает! Хорошо, что у меня из живых сожителей только кактус – и тот на фотографии. – Татьяна Георгиевна плотнее закуталась в синий халат и сильно затянулась сигаретой. – Краевое предлежание? Даст бог, обойдёмся без операционной. Всё равно наборов не осталось.

– А у меня – медикаменты все на месяц вперёд исчерпаны, – спокойно констатировал Аркадий Петрович.

– Тань! Всё у нас нормально с медикаментами в отделении. Я забыла тебе сказать, да и некогда было... Сегодня тот

---

⁷ *Винтаж* (фр. vintage) – многозначный термин. В данном контексте – старинные, хорошо сохранившиеся и функционально пригодные механизмы и инструменты.

Волков, что ООО «Мандала», приезжал...

– Какое-какое ООО? – чуть не проглотил сигарету анестезиолог.

– Всё бы вам только пиздихаханьки, Аркадий Петрович! А Волков, между прочим, хороший человек! Мужчина в самом соку. Вдовец, а не какой-то женатик! – Она значительно посмотрела на анестезиолога и даже ему подмигнула, косясь на подругу. – Букетище роз этой дуре, – кивнула она на Татьяну Георгиевну, – привёз. Духи дорогущие и бутылку приличную. Ты пока в операционной, Тань, была... – извиняющимся тоном продолжила старшая.

– Ну и где мои букеты-конфеты? – заранее предполагая ответ, спокойно перебила заведующая.

– Где-где!.. У главной медсестры больницы сегодня день рождения. Чего добру пропадать? Зачем тебе цветы-духи? А конфет не было!

– Как это конфет не было?! Без конфет – какой минет!

– Заткнитесь, Аркадий Петрович!

– Хоть бы бутылку оставила! – уже в голос смеялась Татьяна Георгиевна. – Нам с этим озабоченным ночь коротать!

– Я не озабоченный! А конфетно-букетный период, он так потому и называется, что...

– Всё, хватит! А ты – прекратить ржать! Это у тебя нервное! – отругала Маргарита Андреевна подругу. – Сейчас сюда роженица прикатится. Пить вредно! Пить на работе – вредно вдвойне!

– Мне нужны цветы-духи! – застонала Татьяна Георгиевна. – Я – же-е-енщина!

– Ты не женщина. Ты – заведующий отделением. Заведующая... К тому же ты сама того мужика отшила. Аркаша, ты не в курсе? Она такого крутого мужика отшила, дура! Свободного мужика, неженатого!

– Марго, заткнись! – Татьяна Георгиевна была равнодушна, как ночное небо у них над головами. – Все уже всё поняли.

– Да. Все бабы дуры! – философски заключил Аркадий Петрович. – Они только Вася любят. Васи до-о-обрые! – проблеял он.

– Кстати, о Васях... Появился? Я на его бабу сегодня уйму медикаментов списала.

– Не появился. Он же Вася... Это вам не цветы, духи, бутылки от крутых Волковых. – Маргарита Андреевна прищурилась на Татьяну Георгиевну.

– Зайцевых... – задумчиво пробубнила та. – Все они Зайцевы. Хоть с духами, хоть без.

– Марго, кофе сварить? Что-то я замёрз, – выпустил дым в звёздное небо Аркадий Петрович.

– Сварю. Всё, быстро зашли в приём! Вон блатной клиент уже подруливает.

– Я сразу анестезистку вызову, ага? – утвердительно уточнил анестезиолог. – Всё равно кровотечение будет.

– Типун тебе на язык!

– Да я бы рад! Но раз уж понедельник не задался... сама знаешь.

– Знаю. Иди уже!

Кадр пятый

Блатной клиент

– Здравствуйте, Степан Михайлович! – засуетилась услужливой егозой Маргарита Андреевна, открывая дверь в приёмный покой кряжистому мужику, поддерживающему под белы ручки охающую супругу. – Как вы, Юленька?!

– Ох! Ох-ох-ох! Фу-у-уф! Схватки, Маргарита Андреевна! Больно!

– Ну, ничего, ничего, солнышко! Сейчас доктор вас посмотрит, и в предродовую! Там мы по венке коктейльчик пу-стим. Энергетически-спазмолитический, и станет полегче, полегче! А потом и эпидуралочку...

– Никаких, Маргарита Андреевна, коктейльчиков! Ох-ох-ох!.. Никакого обезболивания! – недовольно профырчала Юленька, усаживаясь на стул. – Мы же с вами договаривались! Абсолютно естественные роды!

– Так, ну а что же такого противоестественного в витаминчиках и спазмолитиках? – щебетала птичкой Маргарита Андреевна. – А эпидуралочку вы и сама захотите. Чуть попозже...

– Делайте всё, как она захочет! – высокомерно, тоном, не терпящим возражений, наказал кряжистый мужик, лет на двадцать старше своей Юленьки.

– О! А вот и Татьяна Георгиевна! Сейчас всё будет хорошо! – расплылась мармеладом старшая акушерка наблюдения, узрев заведующую. – Принимать, Татьяна Георгиевна? В родзал, Татьяна Георгиевна?..

Акушерка приёмного вопросительно смотрела на заведующую обсервацией.

– Не торопитесь, Маргарита Андреевна. Прошу вас лечь на...

– Юлия! Меня зовут Юлия! – охнула молоденькая дама. – Зачем лишний раз на кресло? Не буду я никуда ложиться! Там, в родзале, меня и посмотрите.

– Юля, позвольте мне решать, где вас смотреть и какой из осмотров лишний, договорились?

Маргарита Андреевна делала из-за спин четы «многозначительные» глаза. Но Татьяна Георгиевна и не подумала сменить тон:

– Вы контракт на роды не заключали, так что я могу сейчас вызвать дежурного врача, если вас не устраиваю. Да и то не факт, что он оставит вас рожать именно здесь. Отправит вас по району.

– Чё-та я не понял! – вскинулся кряжистый мужик. – Маргарита Андреевна сама отговорила нас от контракта. Сказала, что только лишние деньги выкидывать, а вы и так всегда здесь.

– Маргарита Андреевна у нас вообще много говорит. Лишнего. В том числе про деньги! – поморщилась Татьяна

Георгиевна, представляя, как ей в очередной раз выписывает лещей начмед. А она – в очередной же раз! который?! – выдаёт люлей Марго, а той – как с гуся вода. – Вы у меня не наблюдались, ни разу не осматривались. О том, что у вас краевое, – мне известно только со слов нашей многоопытной Маргариты Андреевны. Так что... – Татьяна Георгиевна впросительном повороте взгляда посмотрела на кряжистого мужика.

– Степан Михайлович.

– Так что, Степан Михайлович, решайте прямо здесь и сейчас – или ваша Юля меня слушается, или я вызываю ответственного дежурного врача, и далее решает он.

– Маргарита Андреевна рекомендовала вас как отменного специалиста...

– Ой-ой-ой, опять начинается! – заохала Юлия.

– Юля вас слушается! – моментально выкрикнул кряжистый Степан Михайлович.

Маргарита Андреевна перешла на посыл Татьяне Георгиевне пассивных руками.

– Ложитесь на кушетку, Юля, – смягчила тон заведующая.

После серии охов и ахов акушерка приёмного с помощью кряжистого мужика и совершенно ненужных телодвижений Маргариты Андреевны уложила Юлю на кушетку. Татьяна Георгиевна прослушала сердцебиение плода.

– Записывай, измеряй, переводи в родзал.

– Какие показания к обсервации писать?

– Алчность Маргариты Андреевны в тротиловом эквива-

ленте! – Увидав, как юная девчушка в кокетливом белом халатике вытаращила глаза, она тут же добавила: – Грамотная акушерка, дорогая моя, всегда показания к обсервации найдёт! Где обменная карта?

– Вот! – протянула молоденькая акушерка Татьяне Георгиевне помятый лист формата А4.

– Да тут половины анализов нет! – изучив бумаженцию, резюмировала Татьяна Георгиевна. – Пиши: «недообследована». Почему же вы, Юлия, не сдавали ни ВИЧ, ни РВ? Наберите у неё кровь на ВИЧ и РВ! – приказала заведующая персоналу.

– Я вам что, бомж? – возмутилась ухоженная Юлия. – И у меня лишних вен нет!

– Ни у кого лишних вен нет. Все давно уже анатомами посчитаны! И вы что, считаете, что только бомжи ВИЧ-инфицированы? Что только деклассированный элемент подвержен сифилису? И что французское нижнее бельё – надёжная защита от инфекций, передающихся половым путём?

«Вот зачем мне это надо?!» – не слушая развёрнутый ответ пациентки на предмет её верности и преданности высокоуважаемому Степану Михайловичу, размышляла Татьяна Георгиевна. «Вот зачем? Денег и правда более чем достаточно – права климактерическая Елизавета Петровна с её яростной завистью. Другое дело, как даются эти деньги, ну да это ладно... Но вот зачем? Почему она сейчас не дома?»

Зачем берётся за девицу, ни разу прежде ею не виденную? Недообследованную? Маргарите хоть кол на голове теши – у неё клиентуры по сарафанному радио, и всех на старую подругу волочёт. Иди домой, Таня! Вызови ответственного дежурного врача – и иди! А что дома? Дома – уютно, красиво. Шкафы забиты тряпками и сапогами. Один из лучших способов женской сублимации – тряпки. И сапоги. А также ботинки, туфли, ботильоны, балетки... Одних меховых жилеток – штук шесть. И зачем? Всё равно самый востребованный ею наряд – зелёная пижама, самое надеваемое «пальто» – белый халат, самая употребляемая обувь – белые тапочки, прости господи. Моющиеся. Недавно вон опять купила горчичные замшевые штаны, стоимостью в пять таких Юль. И обувьку им – штанам, а не Юлям – в тон. Ни разу не надела! Правда, что ли, с Волковым этим свиданкнуться? Впрочем, скоро у Сёмы защита, вот на банкете и выгуляются обновки, включая шубку-свитер, пусть бабьё в муках корчится. Всё радость. Впрочем, сомнительная и быстро проходящая. Вот если... И почему она замуж не вышла и детей не родила в конце концов?! Ещё не поздно, кстати...»

– Тань! – отвлекла от посторонних мыслей старшая акушерка отделения. – Ты чего столбом застыла? Идём выйдем, пока её оформляют...

Подруги накинули байковые синие халаты и вышли в морозный синий вечер. Очень удобные эти синие байковые ха-

латы. Для выхода в синий морозный вечер. Сливаешься с вечером... И с мыслями о себе.

– Ты чего шоу устраиваешь? – с места в карьер накинулась Маргарита Андреевна, затягиваясь сигареткой. – Алёна!!! – заорала она в приоткрытые двери приёма. – Принеси нам с Татьяной Георгиевной кофе!

– Никакого шоу я не устраиваю, Марго. Ты просто задолбала уже со своими клиентами. Акушерки родзальные твои, разумеется, съедят, что старшая тут чуть не каждую смену с блатняками околачивается. И Семён Ильич мне ничего поперёк не скажет из-за старой дружбы и прочей моей анатомо-функциональной пригодности... Ты не хихикай мне тут! Распоясалась ты совсем, Марго!.. Никто нам ничего не скажет, но все нас с тобой просто-таки ненавидят. Молодняк стонет, что в обсервации никто, кроме заведующей, в родзал не допускается. И знаешь?.. Они правы! Только так не специально получилось. Как-то так вышло, что у меня ничего, кроме этой долбаной работы и кучи тряпья, выходящего из моды в три раза быстрее, чем мне обламываются поводы его надеть, и нет!

– Как это ничего?! Ты квартиру сама купила. И машину...

– Ага. И дачу, и клячу... Вот только мужика в придачу не сторговала ещё.

Санитарка приёмного вынесла кофе и услужливо подала сперва заведующей, затем – старшей акушерке.

– Мы уже отправили эту Юлю к вам в родильный зал! Её муж тоже хочет.

– Если всё ещё хочет – значит, получит! – хихикнула Марго.

– Да нет. Он в родзал с ней хочет.

– У нас родильный дом, ориентированный на партнёрские роды, – Татьяна Георгиевна отхлебнула горячего кофе. – В чём проблема?

– Но у них нет контракта!

– У нас родильный дом, ориентированный на партнёрские роды в любом случае, – спокойно повторила Татьяна Георгиевна. Хотя ещё лет десять назад стала бы вопить на санитарку за такое несколько не соответствующее табели о рангах поведение.

Маргарита Андреевна, властно глянув на молоденькую санитарочку, скомандовала:

– Переодень мужика и пусть катится к своей жене.

Дождавшись, когда Алёна скроется за дверью, старшая акушерка вновь накинулась на подругу:

– А ты что, уложила бы её на кресло в приёмном? Правда?

– Что я, дура полная, с неизвестно каким предложением плаценты в приёмном на кресле смотреть?! Хотя... Операционная в пятнадцатиминутной досягаемости. И даже ближе. Так что... Так что, Маргарита Андреевна, чтобы мне больше не было баб с бухты-барахты! Хотят у меня рожать?

Знакомь заранее... И от контрактов всех подряд не отговаривай, будь любезна!

– Нам же с тобой больше достанется!

– Меня Семён Ильич и так каждый раз физией в иконостас тычет, когда у меня договорные, но не контрактные роды!

– А он что? Всё ещё каждый раз может?! – восхищённо ахнула акушерка.

– Может.

– И чего вы с ним не поженились?

– Того.

– Слушай, а вы с ним всё ещё...

– Гораздо реже, чем принято полагать в нашем милом коллективе.

– И как часто?

– Вот прицепилась! Раз в год! На Восьмое марта! И ещё три раза. Когда не остальные триста шестьдесят один.

– А что жена?

– Жена всё так же. Ты всё и обо всём знаешь, чего лишний раз говорить? Марго! Пошли работать! Я бы, может, прогуляла сегодня свою одежду, если бы ты мои цветы-духи не передала главной медсестре. И не приволокла мне бабу с проблемами плацентации. Очень вовремя, да. Как раз когда весь день прошёл под знаком кровотечений. Так что на тебе, дорогая подруга, лежит вина за мою загубленную личную жизнь. Сегодняшним вечером как минимум.

– Ты сама тому Волкову сказала, что занята на все оставшиеся вечера твоей жизни. Я подслушивала. Так что – сама дура, нечего на меня валить!

– Пошли вкалывать!

В родзале Юлия охала и ахала. Кряжистый Степан Михайлович чувствовал себя не в своей тарелке. Ещё бы! Ох уж эти экономные небедные люди! Заплатил бы за контракт – так и родзал был бы поуютнее, на втором этаже. А тут пусть спасибо скажет за отдельную предродовую. А что в другой девочка корчится и по стеночкам со схватками ползает – так пусть перед ней извинится за то, что он здесь. И не надо на неё криво смотреть!

– Анечка, идёмте на кресло! – исключительно из-за иррациональной вредности, а не от жалости к «ничьей» Анечке пригласила Татьяна Георгиевна первой на осмотр молоденькую роженицу.

– Схватки регулярные, по тридцать пять – сорок секунд через три-четыре минуты! – доложила дежурная акушерка, подавая стерильные перчатки. – Открытие шесть сантиметров, воды целы.

– Может, того? Вскроем плодный пузырь? – вопросительно шепнула дежурная акушерка.

– Вы куда-то сильно торопитесь? – высокомерно изогнула бровь Татьяна Георгиевна. – Или дежурный врач куда-то

сильно торопится? Лично я никуда не тороплюсь. Пусть девочка рождает без ваших форсирований. Как вы себя чувствуете, Анечка? – нежно обратилась заведующая к ахающей девочке двадцати одного года.

– Нормально всё, Татьяна Георгиевна! – мужественно ответила тощенькая соплюха, сползая с кресла. – А можно вы у меня роды будете принимать, а не дежурный врач?

– А чем вам дежурный врач не угодил?

– Он неласковый.

– Я тоже неласковая.

– Нет, Татьяна Георгиевна! О вас на форумах только хорошие отзывы, а про Михаила Вениаминовича пишут, что он, вы уж простите... «мясник». На том форуме, где я беременная тусовалась, его даже в чёрный список занесли. Только вы ему не говорите!

– Ох уж этот Интернет! – улыбнулась Татьяна Георгиевна. – И почему же Михаил Вениаминович мясник? Что пишут?

– Пишут, что деньги берёт, а сам грубый и больше ни разу в палату не заходит. Рыжая нямка написала, что у неё после родов кровотечение было, она Михаилу Вениаминовичу написала sms-ку, а он даже не ответил. И чистил её другой врач, кто-то из послеродового. И что вообще он не только грубый, но и халат у него грязный, и он всё время как бы сморкается, харкается и всё время, простите, яйца чешет...

– Кто-кто написала? – автоматически переспросила Та-

тьяна Георгиевна.

– Рыжая нямка. Ну, никнейм такой. Вообще-то она Катя.

– Понятно.

А про Михаила Вениаминовича всё было понятно давным-давно.

Он был каким-то родственником Елизаветы Петровны. И выкинуть его из отделения не представлялось возможным. По той же причине – родства с профессором – Семён Ильич иногда подписывал контракты, которые Михаил Вениаминович приводил «на себя». Но тут сегодня, слава богу, она, Татьяна Георгиевна, царь и бог. А Михаил Вениаминович – всего лишь дежурный врач отделения обсервации. Девочка поступила по «Скорой». Денег у неё на контракт нет. У этой девочки вообще денег нет. И муж у неё какой-нибудь мальчик-палочка. Перепуганный, бледненький, курит под приёмом. Зато никнейм наверняка типа Demon@da. «Вася», одним словом. Не то, что этот противный сноб Степан Михайлович, зажавший на контракт. Такие и рассчитывать не слишком спешат. Ну да у Марго не забалуешь. Она своего «блатного клиента» в железном кулаке держит. Никто не уйдёт обиженным.

– Не волнуйтесь, Анечка. Я тут сегодня всю ночь.

– Так вы примете у меня роды?! – обрадовалась юная Анечка, мужественно передыхая схватку. – Круто! А я про

вас хорошее на нашем форуме напишу. У нас так принято – писать отчёты про роды.

– Делать вам явно нечего, раз отчёты есть время писать после родов... Разумеется, приму, не волнуйтесь.

– Ой, мы вас отблагодарим!

– Не стоит, Аня.

– О вас так хорошо отзываются на форумах! – снова завела она шарманку. – И девочки друг у друга спрашивают, сколько вы берёте, и все довольны, говорят, что вы никогда не называете сумм, кто сколько даст...

– Аня, идите в предродовую. Хочется лежать – лежите. Хочется ходить – ходите. Если что – все здесь.

Очень хотелось узнать, что же ещё пишут о ней в том Интернете. Но Татьяну Георгиевну жутко взбесило вот это «кто сколько даёт». Как будто о побрирушке речь, а не о враче высшей квалификационной категории. Всё это интернетовское new age чуть что – сразу кивает: «А у них в Америке!..» А у них в Америке врач – белый человек. С приличным белым годовым доходом. Да, страховка на риски в акушерстве дорогая, но она того стоит. «А у них в Америке», живи она в Нью-Йорке, так с её опытом в ремесле давно бы уже квартиру на Ист-сайд купила, ту-бедрум, сри-басрум. А то и во все – в Вест. А тут «сама» однушку приобрела. Подвиг. Экономический, блин, прорыв. Чего замуж не пошла? А куда в той однушке в приличном районе муж поместится? Не гово-

ря уже о детях. За счастье жить не в Бириулёво рассчитываешься квартирой в приличном районе, размером с дворницкую. Зато вполне по ценам Вест-сайда. Москва, ага. «— Вы где живёте? — В Чайна-тауне! — Как же вас, приличную белую женщину, занесло в Чайна-таун?!» — вспомнила Татьяна Георгиевна свой забавный диалог с акушером-гинекологом из Нью-Йорка. Дело было в Сиднее. Никак профессор Елизавета Петровна не могла забыть, что Татьяна Георгиевна полетела на FIGO⁸. Мало того, что забыть не могла, так у профессорши псевдореминисценции⁹ начались. Вот уже сколько лет визжит, что Татьяна Георгиевна попала туда благодаря её усилиям. Как же! Благодаря своим. Причём — в койке начмеда. Сёма её с собой взял, чтобы оторваться на оупен-эйре. Вдали от жены и деток. Зачем ей эти отношения? Уже давным-давно всё по инерции. Всё реже и реже... Ночная жизнь, мешанина из обрывков дум. Порядочные жёны и матери все по койкам уже почивают. Говорят, чем тише спишь, тем дальше выглядишь. Интересно, на что она сейчас похожа в зеркале? Лучше не смотреть... Квартиры, блин. «У них в Америке...» Про машины лучше вообще промолчать. Даже в мыслях. Надо бы как-то набрать своё ФИО в Интернете. Почитать, что дамы пишут. Как-то... Как-нибудь потом.

---

⁸ FIGO — международная федерация акушеров-гинекологов. Съезды FIGO проводятся в разных странах мира, преимущественно цивилизованных.

⁹ *Псевдореминисценции* — изменённые, ложные воспоминания. *Конфабуляции* — воспоминания о том, чего не было.

Когда время будет...

– Когда вы уже, наконец, посмотрите Юлю?! – подошёл кряжистый мужик к Татьяне Георгиевне.

Ох, как она не любила эти требовательные директивные нотки! Да перед любой Анечкой она уже безо всяких денег расстелется. Исключительно за тёплое отношение и веру. Доброе слово и акушеру-гинекологу приятно!

– Тогда, когда, наконец, запишу историю. Не волнуйтесь вы за свою Юлию. У неё родовая деятельность ещё нерегулярная. Маргарита Андреевна, положите девочку на кресло! – негромко крикнула она старшей акушерке. Та сидела в преддродовой, на краешке койки, и шептала Юле нежные слова, и гладила по животу... Отрабатывала грядущий гонорар, засранка. То, что Маргарита Андреевна профессионал экстра-класса и таких акушеров уже днём с огнём – то им плевать. А вот за эти «пузики-лапочки»...

– Мы готовы, Татьяна Георгиевна!

Ага. А ещё за это «мы». «Нас тошнит», «нам больно», «мы хотим по-большому!». Не тошнит Маргошу. И не больно ей. И свои физиологические желания она давно вслух не озвучивает. Но знает струнки, лиса, ох знает...

Татьяна Георгиевна пошла в смотровую.

Стандартная процедура. Надеть перчатки. Обработать наружные половые органы дезинфицирующим раствором. Внутреннее акушерское исследование...

– Ой, больно-больно-больно!!! – капризно загундосила роженица. Кряжистый Степан Михайлович, стоящий тут же и заглядывающий под руки, поморщился.

– Вы аккуратней там!

– Мои два пальца, Степан Михайлович, тоньше вашего полового члена! – рявкнула Татьяна Георгиевна. – Надеюсь, что тоньше! – не удержалась она от ехидства. Да, грубо. Нет, ну а какого чёрта тут совать голову чуть не в... Дома не насовался? – Степан Михайлович, или вы мне доверяете безоговорочно, или даёте советы. Или вы и правда полагаете, что за столько лет работы я не научилась делать то, что делаю, – аккуратно? Отойдите, пожалуйста. А ещё лучше – выйдите в коридор. Вы партнёр по родам жене. А не военный советник гражданскому врачу. Понимаете? Вы тут не для того, чтобы контролировать мою работу, а для того, чтобы ей, – она ткнула подбородком в кряхтящую Юлию, – было легче.

– Хорошо! – раздражённо буркнул Степан Михайлович. – Я выйду!

– Вот и прекрасно!.. Юля, расслабьтесь, пожалуйста!.. Так. Хорошо. Маргарита Андреевна, подайте мне пулёвку.

Старшая акушерка обсервации мигом подала инструмент и даже бровью не повела, не то что вопросов задавать не стала. Только глянула слегка вопросительно на подругу.

– У вас, Юля, не краевое предлежание плаценты, а боковое¹⁰. Открытие у вас уже четыре сантиметра, несмотря на нерегулярные схватки. Вы понимаете меня, да?

– Н-н-не очень! – обеспокоенная роженица даже забыла, что нужно охать и ахать. Да и муж вышел в коридор, нечего зазря актёрское мастерство тратить. – Что-то серьёзное?

– Так скажем, боковое предлежание чуть хуже, чем краевое. То, что у вас хорошее открытие без регулярной родовой деятельности, – тоже не так хорошо, как может показаться. Я вам сейчас вскрою плодный пузырь...

– Зачем вскрывать мне плодный пузырь?! Я читала в Интернете, что все врачи в роддомах только и делают, что вскрывают плодные пузыри, чтобы женщина быстрее родила. Чтобы спать пойти!

– ...Я вам сейчас вскрою плодный пузырь, Юля, – спокойно продолжила Татьяна Георгиевна, переждав гневную тираду, – потому что амниотомия¹¹, Юля, прекращает дальнейшую отслойку плаценты. А у вас она уже есть. – Татьяна Георгиевна, произведя манипуляцию, положила браншу пуле-

---

¹⁰ Неполное предлежание плаценты разделяют на краевое и боковое предлежание. При краевом нижний край плаценты находят на уровне края внутреннего зева. При боковом – край плаценты частично перекрывает внутренний зев. Наряду с плацентой в обоих случаях определяются плодные оболочки. Клинически вариант предлежания плаценты можно определить только при раскрытии маточного зева на четыре-пять сантиметров. Поэтому отличить краевое от бокового можно непосредственно в родах.

¹¹ Амниотомия – акушерская операция искусственного разрыва плодного пузыря.

ВЫХ ЩИПЦОВ В ЛОТОК, АККУРАТНО ВЫНУЛА РУКУ И ПОКАЗАЛА РОЖЕНИЦЕ. – Видите?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.